

Шерр Барри
(США)

ИЛЬЯ ГРУЗДЕВ — БИОГРАФ ГОРЬКОГО

Илья Александрович Груздев (1892–1960), единственный среди Серапионовых братьев, кто был не писателем, а критиком и литературоведом, до сих пор известен в основном как биограф Горького*. Как это ни странно, но за весь советский период было опубликовано очень мало биографий Горького, и только Груздев пытался создать полную биографию. Однако, хотя он долго занимался жизнью и творчеством Горького, вел многолетнюю переписку с ним и имел в своем распоряжении огромное количество материала, хотя он в конце концов написал несколько разнообразных вариантов биографии Горького, надо признаться, что ни одна из этих работ не была особенно успешной.

Было, конечно, очень трудно писать о такой крупной фигуре, как Горький. Еще в 1926 году, когда Груздев сообщил Горькому о своей книге для детей, «Жизнь и приключения Максима Горького», Горький опасался: «Конечно, — дети заслуживают всяческого внимания и всякого уважения, но ведь книжка эта — нечто похожее на канонизацию героя ее при жизни»¹. Чуть позже такая канонизация фактически осуществилась. Как известно, надо было очень осторожно относиться к этому святому, хотя (или, отчасти, потому что) при жизни он часто оказывался отступником. Можно предположить, что написать хорошую биографию Горького при советской власти было невозможно по чисто политическим причинам.

Но с груздевскими биографиями дело обстоит гораздо сложнее. На самом деле Груздев более или менее справился с политическими требованиями: он создал прототип «советского Горького, который то и дело «ошибался» или «неправильно понимал» значение определенных исторических процессов, но в конце концов горячо любил Ленина и Советский Союз и был великим борцом за демократию, и т. д.. Однако главная проблема не в этом. Ведь даже если писать о Горьком с позиций партийной критики, можно было гораздо больше рассказать о его вкладе в литературную и культурную жизнь страны. В конце XIX века Горь-

* За замечания о первоначальном варианте этой статьи я благодарен Эндрю Баррату, Е.Л. Краснощечковой, Л.В. Лосеву и Е.Г. Эткинду.

кий прославился не потому, что он был выдающимся политическим деятелем или мыслителем, а потому что он как писатель и личность захватил воображение всех, кто интересовался литературой. А у Груздева читатель не видит Горького как сложного, но все-таки интересного человека, и, что еще хуже, здесь Горький как писатель, как литературный деятель, как борец за русскую культуру почти отсутствует.

Почему Груздев чуть ли не за сорок лет биографических исследований, посвященных Горькому, так и не сумел создать ту биографию, которую он хотел написать? Чтобы разобраться в этом вопросе, надо рассмотреть историю работы Груздева над биографией Горького. Сначала не Груздев, а другой Серапион, Михаил Слонимский, стал писать о Горьком. Слонимский неохотно занимался этой работой, его гораздо больше привлекала художественная, чем биографическая литература, и даже «хронологическая канва», к которой он приступил, начала требовать слишком много времени. Поэтому он отдал все собранные им материалы своему другу, Груздеву², молодому критику, которого Слонимский считал «талантливым, но еще как-то не нашедшим применения своему таланту»³. Существует довольно мало биографических сведений о Груздеве, но в этом письме Слонимский делает намек на то, что Груздев долго не мог найти свой путь, и только случайно стал биографом Горького. Но надо сказать, что первые литературоведческие статьи Груздева не лишены интереса⁴. Например, в статье «Лицо и маска», опубликованной в альманахе «Серапионовы братья», он настаивал на том, что в настоящем художественном произведении читатель видит не лицо подлинного художника, а маску, что «непосредственное выражение мыслей и чувств... в пределах искусства невозможно»⁵. Дальше в этой статье Груздев обсуждает до сих пор актуальные вопросы о роли рассказчика в художественной литературе.

Вскоре после того, как он получил материалы от Слонимского, Груздев начал интенсивную переписку с Горьким. С 1925 до 1936 годы они пишут друг другу больше двухсот писем, т. е. каждый пишет по 8–10 писем в год, и чаще всего эти письма не короткие. С самого начала Груздев задает Горькому много вопросов. Он спрашивает о знакомых и родственниках Горького, старается получить сведения о его ранних рассказах и очерках, пытается уточнить разные даты, ищет подробности о самых мелких событиях в жизни Горького. Вообще Горький отвечает на большинство вопросов, но бывает, что он просто не все помнит: «Точных дат не помню. Память моя, в общем не плохая, всегда плохо воспринимала цифры, счет, в этом, пожалуй, есть нечто идиосин-

кразическое»⁶. В этом Горький прав; например, критикуя статью Груздева, он пишет, что первый его сборник рассказов вышел не раньше, чем в 1900 году, хотя прав был Груздев — первый сборник вышел в 1898 году⁷. Ранее, корректируя рукопись Слонимского, Горький смещает дату своего ареста и пишет, что это событие произошло в 1897 вместо 1898 года⁸. Но даже если Горький плохо разбирается в датах, он обычно старается помочь своему биографу. При этом, чем больше он отвечает, тем больше Груздев спрашивает. В письме от 13 марта 1927 года Груздев дает Горькому список очень мелких вопросов (например: «Сотрудничать в «Самарской газете» вы стали с октября 1894 г. А переехали когда?» или, другой вопрос: «Кто вас вызвал в Самару? Н.П. Ашешов? А кто был Новиков, номинальный редактор? Костерин?»)⁹. Все это о событиях более чем тридцатилетней давности.

В этот раз Горький шуточно начинает ответное письмо так: «Господи, господа, — сколько в мире твоём нерешенных вопросов! Дорогой мой Груздев, — я начинаю бояться вас, как уже окончательно утрачен доктором Галантом, который до того забил меня вопросами, что я больше не отвечаю на его психопатологические письма. Недавно, во сне, видел его дикобразом; ошетинился свирепо и прыгает на меня и визжит: «А — как Вы с женщинами?» Я — же, голый, распростерт на горячем песке в полном изнеможении и беззащитности — ужас!.. Вот они, вопросы-то, до чего доводят!»¹⁰. Иван Галант был психиатром и невропатологом, который интересовался проблемой психологии творчества. Его переписка с Горьким тоже началась в 1928 году и продолжалась десять лет. Он настаивал на том, что молодой Горький пережил душевное заболевание, и думал издать книгу «Патология М. Горького»¹¹. Горький относился к нему так, как, наверное, большинство известных людей относится к тем, кто пишет об их личной жизни. Но, что касается Груздева, Горький только шутит; дальше в том же письме Горький спокойно и подробно отвечает на все вопросы, заданные в письме Груздева. К удивлению Горького, Груздев обиделся и, может быть, немножко испугался; в очередном письме Груздев защищает себя, говоря что ему, Груздеву, нужны только «честные» факты.

И в самом деле, вопросы Груздева не касаются личной жизни писателя. И многого еще не касаются. Груздев интересуется только исторической обстановкой, в которой Горький жил, но не его внутренним миром. Если доктор Галант часто обходит факты, чтобы создать единое, всеобъясняющее понятие о писательской душе, то Груздев тонет в фактах, постоянно собирая самые мелкие подробности, часто даже забывая

связывать собранные детали с субъектом своей биографии. Более того, даже в переписке 30-х годов, Груздев все еще спрашивает о 80-х и 90-х годах. В 1936 году он задает вопросы о господствующих идеях среди революционных кругов в середине 80-х годов. Дело в том, что в фундаментальном труде Груздева, «Горький и его время», биограф пишет только о начальных этапах жизни Горького, в основном о его пребывании в Казани и его странствиях по России¹². Груздев начал работу уже в 1926 году¹³, а в 1930 году он прямо говорит об этом сочинении (которое для Горького «новость») и собирается кончить все три тома к следующей весне¹⁴. Но первый том вышел только в 1938 году, после смерти Горького, и описывал жизнь Горького только до 1892 года, когда Горький опубликовал свой первый рассказ «Макар Чудра». Почему-то Груздев остался в XIX веке, как будто какие-то препятствия мешали ему перейти на XX век. И он все продолжал выискивать подробности о жизни Горького и его среде в эти ранние годы.

В результате в огромной по объему переписке мы находим очень мало сведений об отношениях между Горьким и другими писателями, кроме тех, кого Горький знал в самом начале своей литературной деятельности (как, например, Короленко). Об издательстве «Знание» и о сборниках того же названия тоже мало. Вообще из этих писем было бы трудно узнать, что Горький вел интенсивную редакторскую работу в начале века. Груздев, по крайней мере в письмах, опубликованных при советском режиме, почти не спрашивает о политических фигурах, с которыми Горький был знаком. Каприйский период он также не упоминает, не говоря уже о возвращении Горького в Россию в 1913 году, о Первой мировой войне, о революции и т. д. Хотя Груздев часто старается получить сведения о произведениях Горького, он довольно редко задает вопросы, относящиеся к их содержанию, как бы сосредоточивая все усилия на очень узкой задаче.

Чаще всего Горький рано или поздно ссорился с теми, с кем он вел интенсивную переписку. С 1900 года по 1908 год Горький послал больше 400 писем и телеграмм Константину Пятницкому, своему коллеге в издательстве «Знание». Но в 1910-х годах их связь была прервана и возобновилась только уже за несколько месяцев до смерти Горького. Сохранилось почти двести горьковских писем, относящихся к 1902–1917 гг., писателю и журналисту Александру Амфитеатрову. Разногласия испортили и их отношения. Интересно поэтому, что Горький продолжал писать Груздеву до самого конца своей жизни. Кроме того случая, когда Груздев обиделся на сравнение с Галантом, кажется, что их

отношения оставались дружескими. Груздев даже позволил себе указать ошибки в первом томе «Жизни Клина Самгина». Груздев был не только биографом Горького. Как Амфитеатров и Пятницкий, он сотрудничал с Горьким в разных издательских проектах. Он принимал участие и в основанном Горьким журнале «Литературная учеба», и в книжной серии «Библиотека поэта». Именно Груздев редактировал первые научные издания сочинений Горького.

Вполне возможно, что Горький так добродушно относился к Груздеву, потому что он хотел иметь влияние на своего главного биографа. Уже в пометах на полях рукописи Слонимского видно, что Горький очень интересовался тем, как его изображают. В этих пометах он кое-что дополняет (например, сведения о революционере Михаиле Ромасе, о котором Горький написал в «Моих университетах»), и в то же время рекомендует, чтобы Слонимский вычеркнул разные эпизоды, о которых Горький в свое время писал в очерках или фельетонах¹⁵. Похоже, что для него в биографии важна поучительность, он хотел, чтобы биографы старались сосредоточивать внимание читателя на уроках жизни писателя, а не на самом писателе. Из-за этого, наверное, ему совсем не нравилось направление исследований Галанта.

Как доказательство хороших отношений между Груздевым и Горьким откровенные обмены мнениями можно найти уже в самых первых письмах. Груздев жалуется Горькому на литературную жизнь в середине 20-х годов, говоря что «мухи-критики мешают хорошим писателям работать»¹⁶. После смерти Есенина Горький посылает Груздеву очень интересное письмо, в котором утверждает, что всегда был уверен, что этот поэт кончит плохо. Очевидно, что оба не боялись выражать свои взгляды. Поэтому трудно объяснить, почему Груздев так долго не общал Горькому, что перерабатывает его автобиографические произведения. С. Маршак, тогда заведующий детским отделом Ленгиза, предложил эту обработку Груздеву еще в 1924 году. А Груздев просит разрешения только в апреле 1926 года, перед самым выходом книги¹⁷. Горький дает разрешение, но с цитированным выше опасением о канонизации живого героя. Задержка Груздева неожиданная; кажется, он немножко боится реакции Горького, который так тщательно комментировал рукопись Слонимского.

Хотя книжка «Жизнь и приключения Максима Горького» рассчитана на детей, она показывает общий подход Груздева к биографии Горького. Конечно, в основе пересказа лежит горьковская автобиографическая трилогия. Интересно, что в этом варианте Груздева сильно приглушена

тема смерти, которая играет очень важную роль у Горького. Здесь у мальчика нет близких отношений со взрослыми, и поэтому бабушка не имеет такого сильного влияния на молодого Алешу Пешкова. Алеша сам по себе начинает понимать, что взрослый мир несправедливый. Единственные его друзья — другие бедные или бездомные мальчишки и угнетенные взрослые. Груздев обращает внимание только на ту часть повествования Горького, которая показывает воспитание будущего революционера. У Груздева мальчик решает все очень просто и ясно, его молодой читатель не видит сомнений и поиска образов в мире взрослых, которые характеризуют горьковский текст. К концу книги Груздев пользуется другими автобиографическими произведениями Горького, особенно рассказом «Мой спутник», который описывает путешествие Горького в Тифлис. Время, когда Горький бродил по России, уже привлекает внимание Груздева. Используя эти произведения как источник сведений о писателе, Груздев следует рекомендации Горького, который говорил, что в автобиографических рассказах он описывал настоящие события¹⁸. Груздев заканчивает книгу в 1892 году, когда Горький публикует свой первый рассказ; через двенадцать лет первое издание его главного труда о Горьком кончится на описании того же года.

В 1933 году Груздев публикует краткую биографию под простым названием: «Горький»¹⁹. Именно эта биография вышла при жизни писателя. Горький сам писал Груздеву о книге и сообщил, что все «хорошо сделано», хотя указал на несколько мелких ошибок²⁰. Груздев позже уточняет некоторые из этих фактов (на стр. 23 в первом издании Горький возвращается в Казань, на стр. 18 в издании 1938 года возвращается в Царицын), а другие, когда он не согласен с поправками Горького, он оставляет (ср. стр. 24 со стр. 20; Сомов еще «бывший студент», хотя Горький возразил против этого описания). Но дело не в таких подробностях. Заметно, во-первых, что Груздев очень мало пишет о ранних «приключениях» Горького. Он сосредоточивает внимание не на мальчишке, а на юноше, который живет в нищете, видит «слишком много мерзости и грязи» и хочет бороться за лучшую жизнь²¹. Когда он пишет о казанских годах, Груздев подчеркивает, что Горький был на перекрестке: он мог «потонуть» в страшной среде или начать думать о лучшей жизни. По мнению Груздева, странствия Горького в конце 80-х и начале 90-х годов служили школой для будущего революционера. Самое важное для Горького — его знакомство с интеллигенцией и рабочими.

Что касается начала литературной деятельности Горького, Груздев обращает больше внимания на его публицистику, чем на его художест-

венное творчество. Начиная с 1898 года, когда Горький стал всероссийски известным писателем, Груздев перечисляет основные факты его литературной карьеры, но он почти ничего не говорит о связях между Горьким и другими писателями. Зато он подробно пишет о событиях, общественно-политическое значение которых очевидно — арест Горького в 1898 году, отмена выборов Горького в Академию наук в 1902 году, его участие в событиях «кровавого воскресенья». Даже когда речь идет о художественной литературе, Груздев в основном пишет о таких произведениях, которые имеют самые ясные общественно-политические темы: пьеса «Мещане», роман «Мать». Но обычно Груздев только упоминает названия произведений; перед читателем предстает не Горький как писатель, а Горький как общественная фигура.

В этой краткой биографии Груздев довольно много пишет о Ленине и особенно об отношениях между Лениным и Горьким после 1907 года. Он не скрывает их разногласия, а наоборот, в шестой главе, где речь идет о каприйском периоде, Груздев обсуждает раскол среди социал-демократов, когда Горький с Луначарским и Богдановым противостояли Ленину²². И в седьмой главе Груздев напоминает статьи Горького в «Новой жизни» (т. е. «Несвоевременные мысли»), когда он выступал против большевиков. Но Груздев постоянно подчеркивает «возвращение» Горького к большевикам — писатель время от времени отступает, но он всегда в конечном итоге выбирает правильный путь. В следующем издании, опубликованном в 1938 году, после смерти Горького, Груздев в дополнительной восьмой главе дает краткий обзор жизни Горького. Это человек, который вырос «вне большого рабочего коллектива». Для него странствия служили «творческой командировкой». Итак, здесь Горький изображен самоучкой. Его «ошибки» понятны в обзоре Груздева, причем Горький спонтанно присоединился к прогрессивным силам и свою изумительную энергию посвятил революционной борьбе. Более или менее, этот образ Горького и был канонизирован в официальной литературе до конца советской эпохи.

Справедливости ради нужно сказать, что созданный Груздевым образ далеко еще не так тенденциозен, как тот, что был создан позже. Второе издание «Горького» снабжено предисловием, наверное, написанным не Груздевым, в котором о смерти писателя говорится: «Великий писатель был убит потому, что он страстно ненавидел и всеми силами своего творческого гения разоблачил врагов революции... потому, что он беззаветно был предан делу Ленина-Сталина. Эти гнусные бандиты, эти черные гады, подползавшие к сердцу пламенного антифаши-

ста Горького, яростно ненавидели гениального писателя за его призывы к революционной непоколебимости».

У Груздева, напротив, в восьмой главе только семь строк о смерти Горького и ни одного слова об «убийцах». Даже Сталина он упоминает всего один раз. Тон чаще всего остается нейтральным. Да, в этой биографии мало о Горьком-писателе и еще меньше о его личной жизни; Груздев смягчает разногласия между Лениным и Горьким. Все-таки, хотя книга агиографична, она куда честнее, чем многие другие сочинения на ту же тему.

Гораздо более полный вариант этой биографии появился в основанной Горьким серии «Жизнь замечательных людей» только через 25 лет после первого издания книги «Горький»²³. Об этой книге можно сказать то же, что и о раннем варианте. Хотя здесь Груздев описывает события подробнее — по крайней мере перечисляет больше горьковских произведений, — но белых пятен почти так же много, как и раньше. Предисловие Василия Десницкого, литературоведа и старого знакомого Горького, поучительно: «Рассказать достоверно и в то же время интересно о жизни замечательного человека нашей эпохи — задача гораздо более сложная, чем поведать о днях великого деятеля прошлого».

Дальше Десницкий замечает, что сдержанность автора, когда речь идет о личной жизни Горького, объясняется тем, что много людей, которых писатель знал, были тогда еще живы, хотя Десницкий не говорит, почему Груздев молчит даже тогда, когда такого препятствия нет.

Но дело не только в этом. Другие недостатки Десницкий относит ко всем биографам Горького, чтобы смягчить свои упреки: «Так, мы плохо осведомлены о жизни Горького на Капри... Совершенно не освещены его взаимоотношения с интеллигенцией, с социалистами, знакомство писателя с современной и прошлой жизнью приютившей его страны, с памятниками ее искусства. Еще менее в распоряжении биографа материала о втором, добровольном пребывании Горького в Италии... Даже литературная деятельность Горького этих лет до некоторой степени выпала из поля зрения биографов»²⁴.

В конце концов Десницкий пишет не предисловие, а апологию. Ясно, что биография Груздева не очень ему понравилась. Вина якобы в отсутствии материала, в том, что многие письма были недоступны исследователю. Но, наверное, Десницкий знал о переписке между Горьким и Груздевым и знал, что в распоряжении Груздева было много сведений, которых он не употребил. Как житие, эта книга имеет те же достоинства, что и ранние варианты. Груздев по-прежнему только частично

описал некоторые большие моменты (например, пишет, что «Горький... прекратил печатание статей в «Новой жизни»²⁵, тогда как на самом деле газета была закрыта большевиками), хотя в то же время показал много противоречий в личности своего героя. Но, как и раньше, перед читателем стоит общественно-политическая фигура; литературная деятельность Горького занимает скромное место. И Груздев лишь бегло касается личной жизни писателя. В 1933 году он коротко писал об «Ольге К.» (т. е. Ольге Каминской), первой любви Горького. Но здесь он не приводит даже инициала. Мы видим имена «Екатерина Пешкова», «Мария Андреева», но только мимоходом, без намека на то, что каждая играла значительную роль в жизни писателя. В 1958 году, после оттепели, даже в Советском Союзе многие хотели бы получить картину пополюне.

До сих пор речь идет о биографиях одного типа. Главный труд Груздева «Горький и его время» не похож на другие его книги. Только здесь видно, почему Груздев так упорно задавал вопросы о конце XIX века. В 1938 году Груздев наконец опубликовал первый том этого огромного проекта. В первой части этого тома можно читать о жизни Горького по 1887 год, во второй части Груздев рассматривает только два года, 1888–1889, а в третьей еще четыре года, по 1892 год, когда Горький начал свою литературную деятельность. Хотя Груздев жил и работал еще двадцать четыре года, похоже, что он не продолжал эту работу. Четвертая часть третьего, посмертного издания состоит из глав второго тома незаконченного проекта. В этих главах можно прочитать очень подробное описание почти всего, что сделал Горький за четыре года в начале литературной карьеры. Здесь рассматриваются и история первой любви к Ольге Каминской, и знакомство с Екатериной Волжиной, которая стала женой писателя. Кажется, что Груздев говорит о почти каждом человеке, с которым был знаком Горький. Он осторожно анализирует несколько фельетонов Горького и показывает не только общественно-политическое значение одних, но и литературное значение других для будущих произведений. Так, он замечает, что в статьях о картинах Врубеля можно видеть важность для Горького реалистического изображения²⁶. Вообще, в четвертой части книги эти главы не дописанного второго тома содержат много интересных деталей о жизни Горького. Здесь нет цельного портрета человека или писателя, но есть много того, что нужно, чтобы создать такую картину.

Но эта часть сильно отличается от первых трех. И в тех частях, которые составляют первый, единственный дописанный том, ясно, что Груздев интересовался не столько человеком, сколько его эпохой. Эти части

занимают почти 400 страниц, но здесь не так уж много о молодом Горьком. В первой части первая глава дает сведения о семье молодого Горького, но потом, во второй главе, Груздев начинает писать именно об эпохе. Он рассказывает много, может быть слишком много, о жизни в Нижнем Новгороде и вообще о русской провинции этого периода: мы узнаем, что в общественной библиотеке в 1874 году было 13 400 читательских требований, и читаем список русских журналов, которые в основном публиковали переводную беллетристику²⁷. Сначала читаем о книжной торговле в провинциальной России, потом об экономическом положении в стране и дальше о том, как писали о провинции другие авторы, особенно Глеб Успенский. Горький более или менее исчезает из вида и является уже только к концу этой части. То же самое можно сказать об остальных частях: Груздев кое-что пишет о Горьком, и встречаются довольно интересные факты (Горького не взяли в солдаты из-за раны — результат попытки самоубийства — и из-за расширенной вены в ноге)²⁸, но вообще «время», кажется, привлекает Груздева больше, чем Горький. К началу второй части Груздев начинает писать о революционере Ромасе, но до этого он пишет целую главу о крепостном праве и о важнейших моментах в истории революционного движения²⁹. Некоторые из этих фактов полезны читателю, но многие уже известны каждому образованному русскому, и они только отвлекают внимание читателя от повествования о жизни Горького. Очень часто в первых трех частях Груздев резюмирует произведения разных, но особенно «прогрессивных» писателей. Этим приемом Груздев немало сообщает читателю об эпохе Горького и о русской провинции того времени, но и на этих страницах мало что относится прямо к Горькому.

Груздев, очевидно, был намерен описать все стороны среды, в которой Горький жил и в которой возникали его произведения. Вот почему, например, он так много пишет о массовом читателе и о книжной торговле в провинциях к концу XIX века. В этом Груздев, видимо, следует требованиям самого Горького, который хотел, чтобы биографы показали его не как отдельную личность, а как типичного человека своего времени³⁰. Но беда в том, что Груздев передает слишком много подробностей, не справляется с огромной массой материала и, не связывая человека со средой, очень часто просто теряет Горького из вида.

Итак, можно указать на несколько причин, почему биографии Груздева в конечном итоге не совсем успешны. Хотя это не единственная причина, все-таки надо запомнить, во-первых, что особенное положение Горького при советской власти играло свою роль. Может быть, именно

из-за этого Груздев обращает много внимания на политическое образование Горького, но мало на его отношения с другими писателями. В главном труде Груздева и в его письмах мы тоже видим, что он «фактоман». Он хочет знать все и писать обо всем, но не может решить, что самое важное. «Но любовь к факту, — пишет он Горькому, — для меня трудно оборимая вещь»³¹. Или: «Книга моя «Горький и его время» превращается в историю литературы, историю быта, прессы... и вообще хочется охватить как можно больше материала. Злюсь на себя за медленность работы, но ограничивать себя не умею»³². Обращает на себя внимание то обстоятельство, что к каждому изданию этой книги прилагается огромное дополнение, приблизительно 150 страниц материалов, которые автору не удалось соединить с основным текстом. Следовательно, он не справляется с задачей создания единого исследования; «время» и Горький у него две разные темы. Стремление показать Горького в контексте его времени, очевидно, трудно было совместить с канонизированным образом отца советской литературы, который можно найти в других биографиях того же Груздева. И еще: кажется, что Груздева привлекал именно XIX век; даже когда он собирается писать полную биографию о Горьком, почти все вопросы в его письмах касаются этого раннего периода жизни писателя. Почему-то Груздев довольно мало интересуется XX веком. И, наконец, Груздев всегда пишет только о фактах, о внешнем мире писателя. Может быть, из-за того, что Горький был его знакомым, а, может быть, из-за того, что он просто плохо разбирается в психологии. Груздев или не хочет или боится рассмотреть внутренний мир Горького, его мысли, мотивы его действий.

Надо сказать, что Груздев все-таки сделал много для тех, кто интересуется писателем, но главное его достижение и наследие, наверное, не его биографии, а его переписка с Горьким, где можно видеть, как реагировал Горький на самоубийства Есенина и Маяковского, можно узнать многое о его отношениях с Серапионовыми братьями и вообще лучше понять этого сложного человека. Иначе говоря, в письмах Горького Груздеву сегодняшнему читателю может видеть многое из того, что Горький обычно скрывал, и можно глубже понять, как Горький относился к своему веку. И именно здесь, в переписке, мы видим самые привлекательные стороны Груздева-исследователя; который неустанно задает вопросы, стремясь к полноте картины жизни и времени Горького. Жаль, что у Груздева, который больше десяти лет был в самых дружеских отношениях с писателем и который когда-то был многообещающим критиком и литературоведом, в конечном итоге не хватило то ли таланта, то

ли силы воли (а, может быть, и того, и другого), чтобы успешно завершить свою жизненную работу. Задачу создания достоверной горьковской биографии еще предстоит решать.

Примечания

1. Архив А.М. Горького. Т. XI: Переписка А.М. Горького с И.А. Груздевым. М., 1966. С. 49.
2. До того, как Слонимский передал эти материалы Груздеву, сам Горький внимательно читал эту работу. См.: Тарасова А.А. Пометы А.М. Горького на книге М.Л. Слонимского «М. Горький. Материалы к биографии» // Горький и его эпоха. Исследования и материалы. М., 1989. Вып. 1. С. 89.
3. Архив А.М. Горького. Т. XI. С. 9.
4. Список ранних статей Груздева см.: Oulanoff Hongor. The Serapion Brothers: Theory and Practice. The Hague, 1966. С. 169–170.
5. Груздев Я.А. Лицо и маска // Серапионовы братья. Заграничный альманах. Берлин, 1922. С. 208.
6. Архив А.М. Горького. Т. XI. С. 79; ср. С. 61: «Хронология» и вообще всяческие даты, цифры — это у меня безнадежно, с тем возьмите».
7. Там же. С. 143.
8. Тарасова Д.А. Указ. соч. С. 98.
9. Архив А.М. Горького. Т. XI. С. 106.
10. Там же. С. 108.
11. Там же. С. 43.
12. Груздев Илья. Горький и его время. Л., 1938. Изд. 3-е, доп. М., 1962.
13. Архив А.М. Горького. Т. XI. С. 92–33.
14. Там же. С. 234, 236.
15. Тарасова А.А. Указ. соч. С. 96–99.
16. Архив А.М. Горького. Т. XI. С. 29.
17. «Жизнь и приключения Максима Горького» вышла в 1926 году и стала популярной книгой для детей; было несколько изданий, позже под названием «Молодые годы Максима Горького по его рассказам».
18. Тарасова А.А. Указ. соч. С. 99–100.
19. Издательство писателей в Ленинграде, 1933. Второе издание, дополненное восьмой главой, написанной после смерти Горького, вышло в 1938 году.

20. Архив А.М. Горького. Т. XI. С. 317–319.
21. В этой книге Груздев удивительно мало пишет о ранних годах Горького; в конце первой главы писателю уже 20 лет.
22. Примечательно, что в гл. 6 Груздев много пишет об этих политических вопросах, но едва упоминает горьковскую литературную деятельность этих лет.
23. Груздев И. Горький. М., 1958.
24. Там же. С. 5.
25. Там же. С. 232.
26. Горький и его время. Изд. 3-е доп. М., 1962. С. 522–525.
27. Там же. С. 30, 32.
28. Там же. С. 234.
29. Там же. С. 137–151.
30. Тарасова А.А. Указ. соч. С. 102.
31. Архив А.М. Горького. Т. XI. С. 306.
32. Там же. С. 337.